

2. Почепцов Г. Г. Информация и дезинформация / Г. Г. Почепцов. – Киев : Ника-Центр, Эльга, 2001. – 256 с.
3. Требін М. Інформаційне суспільство. Війни нової епохи / М. Требін // Віче. – 2002. – №4 (121). – С. 64–68.

А. П. Евсеев, кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРЕЙДИСТСКИХ СХЕМ ПРИ ОПИСАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА БИЛЛА КЛИНТОНА

Свыше ста лет назад ставший впоследствии знаменитым венский врач З. Фрейд разработал психотерапевтический метод, позволявший выявить и проанализировать вытесненные в бессознательное и, таким образом, скрытые от взора разума психологические травмы и проблемы — синдромы, которые не получают разрешения и проявляются позднее в замаскированной форме невротических симптомов, значительно осложняющих жизнь людей. Какой бы ни была судьба собственно психоанализа или же фрейдизма в целом, ясно, что, по крайней мере, некоторые разработанные в их рамках аналитические процедуры (такие, например, как выведение на сознательный уровень вытесненных и потому «непроговоренных» проблем) и по сей день обладают эвристической ценностью, причем в гораздо более широком проблемном контексте.

Так, на Западе широкое распространение получило использование психоанализа в политологических исследованиях, благодаря чему проясняется скрытая от глаз стороннего наблюдателя мотивация политических акторов, характерные черты их политического поведения, те глубинные закономерности, которые и определяют на самом деле развитие политических карьер. По счастью, традицию использования соответствующих схем по отношению к политикам и политической деятельности успел заложить сам Фрейд, опубликовавший в соавторстве с первым послом США в Советской России У. Буллитом небольшую книжку, раскрывающую психологический портрет 28-го президента США В. Вильсона. В этой работе Вильсон перед нами предстает не как «функционер», чье поведение жестко детерминировано пестрой, противоречивой, постоянно меняющейся мозаикой событий тех лет, а полным внутренних противоречий, сомневающимся, обуреваемым собственными комплексами человеком. Сразу оговоримся, что изучение этих сторон личности любого политика является не данью «желтой прессе», а доминантной задачей изучения скрытых пружин политического процесса,

знание которых позволяет легко ориентироваться в запутанном хитросплетении событий на политической сцене.

Ошибочно полагать, что в современных условиях фрейдизм уже не востребован. Напротив, американская интеллигенция, после некоторого спада интереса к психоанализу, чей бум, как известно, пришелся на 50–60-е гг. прошлого века, вновь заговорила об актуальности наследия Фрейда. В частности, ставится вопрос о том, как негритянское происхождение нынешнего президента Б. Обамы отражается на его политике по отношению к национальным меньшинствам, а политический опыт его отца, близкого к одному из основателей Социалистической партии США У. Дюбуа, способствует развитию в сознании сына леворадикальных и даже утопических представлений. Но подлинным кладезем для фрейдиста является биография 42-го президента США Б. Клинтона, чья жизнь и деятельность, начиная от мимолетного рукопожатия с Кеннеди в 1963 г. и вплоть до сексуального скандала в 1998 г., дает особенно обильную пищу для размышлений.

В частности, сознательно идя на некоторое заострение тезиса, современные последователи Фрейда утверждают, что гибель Кеннеди, который был кумиром молодого Клинтона, вызвала к жизни психологический феномен «замещения», в соответствии с которым смерть почитаемого человека запускает механизм идентификации себя с умершим. В самом деле, каждый, кто когда-либо терял близких, замечал за собой нечто подобное. Так вот, в трактовке фрейдистов рукопожатие Кеннеди послужило своего рода «благословением» для Клинтона и той «последней каплей», которая окончательно убедила его выбрать для себя именно политическую карьеру.

Серьезный интерес вызывает также личная жизнь матери Клинтона — Вирджинии Кэсседи. Известно, что отец Клинтона У. Блайт погиб в автокатастрофе, не дожив всего несколько месяцев до рождения Билла. Поэтому будущий президент рос с мамой и бабушкой по материнской линии, чьи отношения, надо сказать, были далеки от идеальных. Маленький Клинтон, «разрываясь» между двумя любящими его женщинами, не терпевшими однако друг друга, впоследствии не раз подсознательно воспроизводил данную модель отношений, мечась уже между женой Хиллари и многочисленными любовницами.

В психологическом плане любопытно, что вся жизнь Клинтона, несмотря на многочисленные сложности и поражения, представляет собой воплощение «американской мечты». Последняя определяется в литературе как идея (часто ассоциируемая с протестантской трудовой этикой), разделяемая многими в США, о том, что благодаря упорному труду, смелости и решительности можно добиться процветания. Это действительно так. Бедный мальчик из аграрного Литл-Рока получил блестящее образование, превра-

тився в умного и обаятельного мужчину и, в конечном счете, возглавил единственную в мире «сверхдержаву». Но даже самый большой успех в жизни — и это тоже очень по-американски — воспринимался Клинтонем не столько как конечная остановка, сколько как перевалочный пункт на пути к новым задачам. Ибо «американская мечта» ориентирует человека на непрерывное движение вперед, постоянное расширение «фронта», на все новые и новые «пробы», символом чего (в том же кинематографе) выступает дорога, исстари являющаяся метафорой жизненного пути человека.

Наверное, сказанное выглядит тривиально. Но это лишь кажущаяся тривиальность. Правильный учет особенностей биографии лидера — тонкое и сложное дело. Здесь важную роль играет то обстоятельство, что потребности, интересы, настроения конкретного политического деятеля могут не совпадать или даже противоречить умонастроениям его политической силы или даже ближайших соратников, причем противоречить иногда в ущерб его интересам. Отсюда — необходимость поиска тех болезненных психологических синдромов, сглаживание которых позволяет преодолеть возможные трения в команде кандидата, ускорить общее движение к общей цели.

С. Б. Жданенко, кандидат філософських наук, доцент

ЦІННІСНІ ОСНОВИ САМОІДЕНТИФІКАЦІЇ ОСОБИСТОСТІ

У філософії існує традиція розглядати особистість як стійку систему соціально значущих рис, що характеризують індивіда як члена того чи іншого суспільства або певної спільноти, а також як індивідуального суб'єкта цих рис. Але природа такої стійкості особистості коріниться в її духовному самовизначенні, її духовно-моральній самоідентифікації. Самовизначення власної ідентичності пов'язане з усвідомленням самості людини як інтелектуальної субстанції особистості. Це шлях до життєвих перспектив, що базується на цілях, цінностях та ідеалах індивідуума. Самоідентифікація особистості — це рефлексія нею своєї приналежності до певної спільноти через визначення системи цінностей, культурних норм, зразків поведінки, мови.

Процес самоідентифікації відбувається через опозиції «Я — Інший» та «Свої — Чужі» на різних рівнях, а саме персональному, соціогруповому та соціокультурному. Первинна екзистенційна самовизначеність особистості здійснюється в модусі «Я — Інший», коли персональна самоідентифікація відбувається на основі суб'єктивного визначення людиною своїх індивіду-